

Государство в глобальном мире. Проблемы и перспективы

© Ю.Д. Гранин

Институт философии РАН, Москва, 109240, Россия

Проанализировано будущее государства как традиционной политической формы общежития в условиях современного глобального миропорядка. Государства не исчерпали свой исторический ресурс, но судьба государств различного типа будет разной. Она обусловлена движением мира в сторону многополярности на основе региональных альянсов государств разной цивилизационной принадлежности. Перспективы сохранения и развития всех государств мировой полупериферии связаны с нелинейностью исторического развития, периодической сменой его полюсов и с выработкой национальных стратегий модернизации, созданных на собственной цивилизационной основе.

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, модернизация, наука, образование, цивилизация, экономика

Дискуссии о судьбе государства в эпоху современной исторической формы глобализации продолжают не одно десятилетие. В настоящее время они выстраиваются по принципу оптимисты — пессимисты. Первые считают, что традиционные формы общежития не исчерпали свой исторический ресурс и требуют возврата назад: к международному общежитию, субъектами которого были бы не транс-, интер- и наднациональные институты политической, экономической и культурной сфер жизни, а, как и прежде, суверенные государства. Вторые связывают основные надежды с отмиранием государства, радикальным изменением принципов современного политического устройства мира и выстраивают политические проекты грядущего «сетевого общества» (М. Кастельс), «континентальных федераций» (А.Г. Дугин), «общества множеств — рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт), возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван) или «космополитического государства» (У. Бек) [1].

По мнению У. Бека, европейцы лишь «делают вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т. д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро» [2, с. 7]. По мнению автора настоящей работы, это ошибочное утверждение. Но

верно то, что научное осмысление проблемы трансформации государств в современном мире осуществляется в пределах сложных и весьма разнообразных онтологических ландшафтов, в границах которых понятия «глобализация» и «национальное государство» перманентно меняют свое содержание, иногда — вплоть до противоположного.

В частности, когда пишут о закате государства в большинстве случаев имеют в виду все существующие сегодня государства, не потрудившись различить в их составе государства современного и несовременного типа, силовые и правовые, демократические и недемократические (авторитарные, тоталитарные и др.), унитарные, федеративные и конфедеративные, национальные, многонациональные, псевдонациональные и др. Так, псевдонациональными являются государства, объявленные ООН национальными, но в действительности созданные на родо-племенной и этнической основе — к их числу относятся почти все постколониальные государства Африки и многие государства Азии.

Очевидно, что судьба большинства существующих государств в условиях современной (неолиберальной) исторической формы глобализации будет разной в силу многих причин [3–5]. В числе основных большинство исследователей указывают на вынужденную утрату значительной части экономического и политического суверенитета многими государствами второго и третьего эшелонов развития под давлением США и ее союзников по G7, Международному валютному фонду (МВФ) и имеющих национальную прописку в этих странах транснациональных корпораций (ТНК). Часть этих государств готова добровольно отдать свои суверенные полномочия, выстраиваясь в очередь на вступление в НАТО, Евросоюз и другие международные организации. Некоторые из них, как Украина, находятся под внешним управлением и уже утратили статус суверенного государства. Речь идет не о них и не о тотальном политическом и экономическом насилии, которое стало нормой международных отношений в последние годы, а о громадном диспаритете развития, благодаря которому в сегодняшнем миропорядке шансов догнать коллективный Запад (ведущие страны евроатлантической цивилизации — страны G7) нет даже у государств второго эшелона развития — Китая, Индии, России, Бразилии и ряда других новых индустриальных стран (НИС). Эта точка зрения представлена в работах Д. Белла, Э. Гидденса, П. Дракера, С. Крука, С. Лэша, а в России — В. Л. Иноземцева, С. А. Караганова и ряда других авторов. Но, по мнению автора данной работы, это спорное утверждение.

В настоящей статье доказывается, что перспективы сохранения и развития всех государств мировой периферии (страны НИС) связаны с нелинейностью исторического развития, периодической сменой его полюсов, а конкретно — с выработкой национальных

стратегий модернизации, созданных на собственной цивилизационной основе. Вектор динамики современного миропорядка формируется в контексте движения к многополярности на основе региональных альянсов государств разной цивилизационной принадлежности. От того, в каком направлении будут двигаться эти страны, отвечая на вызов Запада, вырабатывая собственные представления о прогрессе и собственные модели модернизации, зависит грядущее устройство мира.

Обратим внимание, что многочисленные концепции модернизации (их адептами являются указанные и другие авторы) неявно исходят из предпосылок об однолинейности движения всемирной истории, одноцентричном характере исторического процесса, выработанных на основе эмпирического наблюдения о четырехвековом опережающем развитии государств сначала западноевропейской, а затем и евроатлантической цивилизации, в лоне которых возникли и развились общества и государства современного типа. Но это предположение плохо согласуется с огромным массивом исторических данных больших временных интервалов, на что обратили внимание последователи линии Броделя в мир-системном анализе А.Г. Франк и Б. Джиллс. Они выступили против идеи Валлерстайна о зарождении капитализма в Европе и неизменном разделении мира на центр, периферию и полупериферию. Критикуя европоцентризм Валлерстайна, они доказывали, что смещение мировых центров с Востока на Запад произошло в период с 1250 по 1450 гг., охватывающий первый вековой тренд Броделя. По мнению А.Г. Франка и Б. Джиллса, новая европейская капиталистическая система (и соответствующие ей общества современного типа) возникла на периферии существующей восточной системы. Эту точку зрения сейчас разделяют многие современные сторонники мир-системного подхода, которые на основе большого конкретно-исторического материала относят существование восточной мир-системы к Средним векам и даже к эпохе бронзового века. В итоге оформился принципиальный поворот изучения истории человечества как глобальной целостности совсем в другом ракурсе — ракурсе противостоящего европоцентризму *нелинейного полицентризма исторического развития, связанного с периодическими смещениями центров мировой динамики*. Не исключено, что полюс исторического доминирования, как это уже не раз было в истории, сместится в сторону нынешней мировой полупериферии, стран с иной — незападной — цивилизационной идентичностью. Определенные предпосылки для этого есть.

Многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях научно-технического прогресса, либо с формированием правовой базы глобализации для установ-

ления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса, или, например, с сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе. Последние два предположения имеют утопический характер. Зато вполне реальны национальные формы стратегий модернизации, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен предлагается признание приоритета национальных интересов, развитие экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания западных и национальных форм модернизации. Варианты здесь могут быть разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего в основном экономическую сферу.

Пример высокого уровня вестернизации показала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности: не меняясь социокультурно, японцы провели технологическую революцию. По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Правда, их успехи в долгосрочной перспективе оказались не столь значительными по сравнению с Китаем, успех которого был особенно впечатляющим.

Китай занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых ученых, КНР дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего патриоты... Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское» [6, с. 18]. На это же обстоятельство указывает известный китайский ученый, автор программы конфуцианского мегапроекта Ту Вэймин: «Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы» [7, с. 11].

Китайское руководство, как и китайские ученые, исходит из того, что современная (евроатлантическая) форма глобализации является объективным процессом, и пытается извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом. Для этого с 2001 по 2010 гг. Центр исследования модернизации и Группа исследования стратегий модернизации Китая, специалисты, работающие в Китай-

ской академии наук (директор центра и руководитель группы — профессор Хэ Чуаньци) подготовили 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно характеристику ее общего состояния в мире и Китае на соответствующий год [8]. Поражает огромный объем проведенного исследования и его объективность. Разделив модернизацию на первичную и вторичную, разработав индексы развития и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, авторы исследования включили Китай лишь в число «предварительно развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 г. Однако, учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая, эти цифры должны быть, несомненно, скорректированы в сторону значительно уменьшения.

Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало собственные интересы в ходе обсуждения условий приема. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. Однако китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля качества импортных товаров и др.).

В 2010 г. Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с Соединенными Штатами по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития снижаются.

Таким образом, у китайцев явно есть чему поучиться, прежде всего, тому, как отстаивать свои национальные интересы. Для руководства КНР поиск более выгодных условий на международном рынке менее важен, чем участие в создании правил игры на этом рынке. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате этой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по их уровню занимает второе место после США.

Секрет успеха кроется в сохранении роли государства в экономике, которая особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаниями мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана с государствами Юго-Восточной Азии, оказавшимися в кризисе. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате оказалось, что лидеры модернизации — азиатские тигры — стали менее привлекательными партнерами для мировых транснациональных компаний (ТНК), а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, они заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на китаизацию продукции, что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся патристичными в своей стратегии, чем вряд ли могут похвастаться другие страны полупериферии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от государственного регулирования, прежде всего в особых экономических зонах — Шанхае и Тяньцзине. Причем коммунистическое государство часто оказывается союзником не своих граждан, а ТНК в решении трудовых конфликтов. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем у Китая в отношении ПИИ есть преимущество: приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, и именно из-за слабости государственного регулирования. Если руководство КНР пошло на сочетание различных форм собственности, то в РФ бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В 1990-е гг. в России слепо копировали рекомендации МВФ, впад в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой. Помимо привлечения мировых ТНК инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный ба-

ланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость» [9, с. 169].

В отличие от прежних стратегов российских реформ 1990-х гг. китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот стратегический выбор привел КНР к небывалым темпам роста экономики, в то время как в России произошел ее спад, потому что в стране безразлично относились и к науке, и к человеческому потенциалу, несмотря на проводившиеся в РАН исследования. Видимо, все дело в выборе верной стратегии: китайские руководители и представители интеллигенции правильно решили для себя проблему соотношения современной (в значительной степени скроенной по американским лекалам) глобализации и патриотизма — на основе приоритета национальных интересов. Целенаправленный акцент на патриотизм и чувство национального достоинства, подкрепляемый все более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни.

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России, а составляют консенсус элиты и массы. Прозападно настроенная часть китайской интеллигенции и международные правозащитные организации выражают обеспокоенность тем, что эти националистические настроения могут целенаправленно использоваться руководством Коммунистической партии Китая. Однако речь следует вести скорее о национальном консенсусе. Это особенно наглядно проявляется при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них считают глобализацию объективной исторической тенденцией и рассматривают ее как новую стадию процесса модернизации, которая, как считают китайцы, может быть осуществлена только на основе национального единства страны. По мнению китайских ученых, западная теория гуманитарных интервенций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмешательства в дела Югославии, Афганистана, Ирака и других стран, используется правящими кругами западных стран для осуществления гегемонистской политики.

Несмотря на то что в 2013–2014 гг. темпы роста китайской экономики снизились, она продолжала оставаться первой в ряду быстрорастущих экономик Азии. Так, в 2015 г. экономический рост в Китае составил около 7 %. Не случайно в конце 2015 г. директор МВФ К. Лагард и два десятка членов исполнительного совета фонда на за-

седании в Вашингтоне включили большинством голосов китайский юань в корзину ключевых международных валют, на основе которой рассчитывается стоимость специальных прав заимствования (SDR) МВФ. Таким образом, юань примкнул к престижному клубу доллара США, евро, иены и фунта стерлингов, которые образуют искусственное резервное и платежное средство, созданное МВФ в 1969 г. Кроме того, правительство планирует активно стимулировать экспорт китайского капитала за рубеж в форме ПИИ — объем китайских ПИИ в следующие 10 лет может достичь 1,25 трлн долларов США. И происходящая сегодня торговая война с США вряд ли серьезно скорректирует эти планы.

В 2015 г. были осуществлены государственные программы инвестиций в инфраструктуру, запущенные еще в 2014 г. Было одобрено строительство 16 железных дорог и 5 аэропортов с общим объемом финансирования более 110 млрд долларов США. Кроме того, рассматриваются еще более 50 проектов для привлечения частных инвестиций общим объемом около 160 млрд долларов США. При их осуществлении предполагается отработать систему государственно-частного партнерства.

В последние два года Китай постепенно идет по пути дерегулирования — взят курс на допуск частного китайского капитала в отдельные сегменты экономики, прежде всего в отрасли, монополизированные госкорпорациями. Сохраняют актуальность увеличение производства высокотехнологичных товаров, повышение доли таких товаров в общем объеме китайского экспорта. В этих условиях Китай пытается компенсировать недобор темпов, а также усилить позиции своей высокотехнологичной продукции расширением экспорта капитала, в том числе в рамках стратегии «Экономического пояса Шелкового пути». Реализация данной продукции предполагает создание транспортных коридоров от Тихого до Атлантического океана на основе китайских технологий в области строительства скоростных железных дорог и инфраструктурных инвестиций. Китай через разные источники — региональные банки развития, региональные фонды инфраструктурных инвестиций и др. — предоставляет странам-получателям льготные кредиты на строительство железнодорожных магистралей при условии применения китайских технологий и поставок продукции китайских промпредприятий в страну осуществления проекта. При этом используются меры поддержки экспорта — страхование, льготное кредитование и т. д.

Предполагается, что вслед за китайскими железными дорогами в страну-получатель придет китайский бизнес. В 2015 г. на продвижение «Экономического пояса Шелкового пути» были направлены основные усилия китайского правительства во внешней политике. Гео-

графический приоритет мегастратегии на первом этапе реализации — страны Центральной Азии, далее Восточная, Центральная и Западная Европа. Соответствующее предложение было сделано и России — проект строительства высокоскоростной магистрали «Москва — Казань», а также участие китайских компаний в создании транспортно-го коридора «Владивосток — Москва». Планируется активное вовлечение в строительство экономического пояса китайского малого и среднего бизнеса.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от системы регулирования импорта, от ограничений деятельности ТНК и притока иностранного капитала. Таким образом, индийские лидеры того времени, в отличие от китайских руководителей, обнаружили в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, пока в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980–1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. ПИИ не оправдали доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справляться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжелым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е гг. лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

В то же время экспансия евроатлантического глобализма не принесла Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как односторонний процесс вестернизации, и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. В Индии существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ. Однако доля рынка страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль

ПНИ оставалась незначительной. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате некоторые из этих проблем удавалось успешно решать.

Неслучайно в первое десятилетие XXI в. экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателей Китая (9,1 %), Индия с тех пор явно замедлила развитие. В 2010 г. темпы роста экономики Индии составили 8,8 %, в 2011 г. этот показатель упал до 7,1 %, а в 2012 г. — до 6,9 %. Индия не только не сумела обогнать Китай, она снова последовательно отстает от него на 1–2 %. Тем не менее индийский премьер-министр Нарендра Моди 23 января 2018 г. в своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе заявил, что экономика Индии в 2018 г. будет расти быстрее, чем экономика любой другой крупной страны. По оценкам исполнительного председателя форума Клауса Шваба, в 2017 г. экономика Индии стала пятой в мире, и в ближайшие три года ее отрыв от Франции, Великобритании и других развитых стран будет только увеличиваться. Но учитывая, что по показателям на душу населения КНР превосходит Индию более чем в два раза, возможные темпы роста Индии следует воспринимать со сдержанным оптимизмом.

Нельзя сказать, что внятная альтернативная национальная стратегия в Индии уже сложилась, но все предпосылки к этому имеются. Такое пестрое в культурном отношении общество способно инкорпорировать в свой состав различные культурно-идеологические конструкции, сохраняя при этом своеобразие. У Индии, как у богатой и древней цивилизации, есть потенциал и для культурной эмиссии, и для выработки альтернативных структур современности.

Опыт создания национально-региональной стратегии модернизации у стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) принадлежит скорее прошлому, чем будущему. Успех азиатских тигров в 1980-е гг. был связан как раз с использованием их национально-культурных особенностей при проведении политики модернизации и открытости. Но неверной оказалась сама стратегическая линия — поиск удачного места в глобальной экономике вместо приоритетов национального экономического развития. И очередной шторм в океане мирового капитала смыл достижения этих стран. В результате глобализированные экономики стран ЮВА оказались в зависимости от капризов глобальной финансовой системы и утратили свой национальный суверенитет. Разразившийся кризис в начале 1990-х гг. стал полной неожиданностью. И если западные инвесторы сумели выйти из него с небольшими потерями, то в самих этих странах он привел к массовой безработице, остановке производства, падению уровня жизни. Диктатуры сначала Ф. Маркоса, а затем и М. Сухарто были свергнуты, власть

тайских генералов ограничена, а Чон Ду Хван и Ро Дэ У оказались под судом.

У Латинской Америки пока наблюдаются лишь робкие попытки выработки альтернативной западной континентальной стратегии модернизации. Народные массы в этих странах всегда отличались революционностью, а элиты ориентировались на интересы США, а не на собственные национальные интересы. Однако в 1950–1970-х гг., когда во многих странах Южной Америки господствовали откровенно авторитарные политические режимы, названные авторитаризмами развития, они обеспечивали как экономическими, так и административными методами существенное увеличение доли капиталовложений в ВВП, в том числе и за счет богатых слоев общества. При этих режимах проводилась политика, направленная и на технологическую модернизацию существующей промышленности, и на создание принципиально новых для страны отраслей хозяйства, обеспечивались условия для подготовки новой рабочей силы, создавались национальные системы образования и научных исследований*. При этом авторитаризмы развития использовали не только репрессии, осуществляя принуждение к прогрессу. Они опирались на идеологию, обеспечивавшую общественный консенсус: социум, или по крайней мере его наиболее активная часть, соглашался обменять политические свободы на рост материального благосостояния и расширение возможностей вертикальной социальной мобильности. Другими словами, авторитаризм развития, с одной стороны, отбраковывал не способную к новой работе часть населения, а с другой — открывал перспективы, в том числе и для выходцев из социальных низов, достичь успехов честным трудом, благодаря способностям и усердию. Затем это наглядно проявилось в ходе ускоренных модернизаций в новых индустриальных странах (НИС) Азии, а сегодня наблюдается в Китае и Вьетнаме, где принцип меритократии восходит к конфуцианской традиции.

Однако политические трансформации 1990-х гг. привели к череде экономических крахов (Мексика, Бразилия, Перу, Аргентина), явственно свидетельствовавших, что четкое следование компрадорских элит рецептам МВФ не принесло экономического эффекта. Раскол между элитами и массой не способствует национальному консенсусу и выработке единой стратегии модернизации. Странам континента предстоит решать задачи восстановления независимости от западных ТНК. Осознание этого объясняет приход к власти левых правительств в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Боливии, Чили, часть из которых уже стала значительно «правее» в ходе последних выборов 2015 г.

* Последнее, как правило, делалось не на начальных этапах модернизации, а после достижения приемлемого уровня промышленного развития.

Однако и они никакой серьезной альтернативы предложить не смогли. Выработка альтернативной стратегии вестернизации и неолиберализму — дело будущего.

Таким образом, за исключением России, Индии, Китая, Японии и ЮАР прочие страны мира скорее приспосабливаются к евроатлантическому модернизму, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У ряда стран это приспособление получается отчасти успешно, как, например, у аравийских монархий [10, с. 72–82], хотя в полной мере усвоить западные стандарты жизни и выработать собственные геополитические стратегии и национальную модель развития им не удастся. В этой связи некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника Россия — Индия — Китай как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Настало время объединить усилия Индии, Китая и России для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий для себя и других стран. Однако в этой триаде Россия, к сожалению, в обозримом будущем не станет лидером по многим причинам. Обозначим лишь некоторые из них.

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, в России только в 2010 г. была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством прежде всего в технологическом ключе, а, по мнению некоторых когда-то влиятельных аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» — инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной» [11, с. 2]. Позже примерно такие же оценки давали многие финансовые и иные аналитики. С глубокомыслием рассуждая о зависимости курса иностранной валюты от мировых цен на углеводороды, от международных санкций, отрезавших страну от иностранных кредитов и технологий, они предрекли России экономический дефолт и следующий за ним социальный взрыв.

Ничего этого не случилось. Но в критике правительства, его консультантов и экспертов было много справедливого. Большинство из них скорее всего придерживаются либеральной идеологии, находятся под обаянием либеральных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного линейного прогресса. Помимо неизбеж-

ных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам идеального Запада, опыт которых надо заимствовать.

Но догнать и перегнать Запад не получается. В силу цивилизационных особенностей, экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в РФ продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике «кормления чиновников», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением власти-собственности (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, по мнению исследователей, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ.

Следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом этого стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной реформы РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных элитах даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

Несмотря на то что начиная с 2000-х гг. Академия наук РФ, разные бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, развитию конкурентных несырьевых производств и многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного сделано не было. Зато чиновники занялись оптимизацией науки и образования, т. е. сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы растут примерно на 20 % ежегодно, что позволило по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то в РФ наблюдается отрицательная динамика: в 1995 г. в стране было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 350 тыс. В Китае

каждый год число ученых возрастает почти на 9 %, а в России — снижается на 2 %. Количество госслужащих федерального и регионального уровней, напротив, стабильно растет и к настоящему времени составляет примерно 1,5 млн человек. На их материальное стимулирование в проекте федерального бюджета на 2019–2021 гг. заложили почти 630 млрд рублей. Так, к 2019 г. на эти цели может быть израсходовано 138 млрд рублей, в 2020 г. — 208 млрд и еще 284 млрд рублей в 2021 г. Большая часть этих денег (489 млрд рублей) пойдет на «поэтапное увеличение гарантированной части денежного содержания», т. е. на повышение окладов госслужащим [12].

С учетом обострения конфронтации с США и Европой, экономических санкций и роста инфляции очередное сокращение финансирования науки и образования очевидно. Отметим, что дальновидные правительства поступают ровно наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса. Но в России собственный путь в будущее, как ни странно, контролируется Западом. Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз фактически втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у РФ почти нет шансов. В этих условиях о серьезной государственной поддержке отечественного образования и науки можно только мечтать.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гранин Ю.Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим». *Вестник Российской академии наук*, 2012, т. 82, № 9, с. 807–810.
- [2] Бек У. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. Москва, Территория будущего, 2007, 464 с.
- [3] Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм. *Философские науки*, 2006, № 7, с. 5–23.
- [4] Гранин Ю.Д. Национальное государство и самоопределение наций. *Свободная мысль*, 2003, № 9, с. 82.
- [5] Гранин Ю.Д. Образование в контексте глобализации. *Высшее образование в России*, 2004, № 12, с. 112–116.
- [6] Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика. *Вопросы философии*, 2007, № 5, с. 7–20.
- [7] Вэймин Т. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности. *Век глобализации*, 2014, № 1, с. 3–12.
- [8] Чуаньци Х., Лапин Н.И., ред. *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)*. Москва, Весь мир, 2011, 256 с.
- [9] Вэй А. Глобализация и право. *Вопросы философии*, 2005, № 2, с. 166–170.
- [10] Яковлев А.И. *Страны Востока. Синтез традиционного и современного*. Москва, Восточный университет, 2007, 296 с.
- [11] Павловский Г.О. Инновационная власть пытается соблазнить экономику. *Русский журнал*, 2010, № 46–47. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/>

newsletter/newsletter_46-47/5351-tri-yubileya-i-vlast-yubilyar.html (дата обращения 15.09.2018).

- [12] Козлова А. На повышение премий и окладов чиновников направят дополнительные 600 млрд рублей. *Комсомольская правда*. URL: <https://www.kp.ru/daily/26884.4/3928154/> (дата обращения 15.09.2018).

Статья поступила в редакцию 03.10.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Государство в глобальном мире. Проблемы и перспективы. *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 10. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-10-563>

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

State in the global world. Problems and prospects

© Yu.D. Granin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (RAS Institute of Philosophy),
Moscow, 109240, Russia

The article analyzes the future of the state as a traditional political form of a community in the conditions of the modern global world order. States have not exhausted their historical resources, but due to the world's movement towards multipolarity on the basis of regional alliances of states of different civilizational affiliations the fate of states of different types will be different. The prospects for the preservation and development of all the states of the world semi-periphery are related to the non-linearity of historical development, the periodic change of its poles and the development of national modernization strategies created on their own civilizational basis.

Keywords: globalization, westernization, modernization, science, education, civilization, economy

REFERENCES

- [1] Granin Yu.D. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk — Herald of the Russian academy of Sciences*, 2012, vol. 82, no. 9, pp. 807–810.
- [2] Beck U. *Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter: neue weltpolitische Ökonomie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2002 [In Russ.: Beck U. Vlast i eyo opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomia. Moscow, Territoria buduschego Publ., 2007, 464 p.].
- [3] Granin Yu.D. *Filosovskie nauki — Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2006, no. 7, pp. 5–23.
- [4] Granin Yu.D. *Svobodnaya mysl (Free thought)*, 2003, no. 9, pp. 82.
- [5] Granin Yu.D. *Vysshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*, 2004, no. 12, pp. 112–116.
- [6] Burov V.G., Fedotova V.G. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2007, no. 5, pp. 7–20.
- [7] Wei-Ming Tu. *Vek globalizatsii — Age of Globalization*, 2014, no. 1, pp. 3–12.
- [8] He Ch., ed. *The Overview Report on Modernization in the World and China (2001–2010)*. 2011 [In Russ.: Lapin N. I., red. Obzornyy doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010). Moscow, Ves mir Publ., 2011, 256 p.].
- [9] An Wei. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2005, no. 2, pp. 166–170.
- [10] Yakovlev A.I. *Strany Vostoka. Sintez traditsionnogo i sovremennogo* [Countries of the East. Synthesis traditional and modern]. Moscow, Vostochnyy universitet Publ., 2007, 296 p.
- [11] Pavlovski G. *Russkiy zhurnal — Russian journal*, 2010, no. 46-47. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/newsletter/newsletter_46-47/5351-tri-yubileyai-vlast-yubilyar.html (accessed September 15, 2018).
- [12] Kozlova A. *Komsomolskaya Pravda (Komsomol truth)*, September 20, 2018. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26884.4/3928154/> (accessed September 15, 2018).

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. e-mail: maily-granin@mail.ru